

А. И. Першиц

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ЭТНОГРАФИИ

Последние десятилетия отмечены быстрым подъемом теоретического уровня марксистской этнографии. Начавшись в области разработки теории этноса, этот процесс к настоящему времени охватил, пожалуй, все другие сферы нашей науки. При этом, естественно, возникла необходимость в переосмыслении и уточнении многих привычных понятий и упорядочении связанных с ними терминов. На практике она вылилась в подготовку энциклопедического словаря «Этнография: основные понятия и термины», ведущуюся совместно учеными СССР и ГДР. Такая задача ставится в марксистской этнографии впервые, и ее сложность сделала целесообразным создание серии работ предварительного характера — понятийно-терминологических сборников по основным разделам этнографической науки.

Это относится, в частности, и к тому разделу этнографии, который всегда традиционно выделялся в рубрику «Общественный строй и быт»*. В последнее время для него предложены и другие обозначения: «социальная организация», «соционормативная культура»². Очевидно, что в первом названии делается упор на общественных структурах, а во втором — на связанных с ними культурных институтах, и в целом они удачно дополняют одна другую. Однако социальная организация и соционормативная культура могут быть отделены от хозяйства в его этнографическом понимании («хозяйственный быт», «культура первичного производства»), но не от экономических отношений. Куда бы мы в этом случае отнесли такие категории, как, скажем, *общественно-экономическая формация, община, эксплуатация?* Этим-то неразрывным единством многих социальных и экономических понятий и определяется содержание одного из первых сборников предполагаемой серии «Социально-экономическая организация и соционормативная культура».

Перечень рассматриваемых в сборнике понятий и терминов помещен в приложении к данной статье. В самой же статье отчасти в качестве комментария к этому перечню хотелось бы поставить несколько вопросов, обсуждение которых может помочь в последующей работе.

1. **Принцип отбора: этнография и смежные науки.** При отборе терминов для этнографического словаря возможны два подхода — специфический и генеральный. Первый предполагает рассмотрение только собственно этнографических понятий и терминов, практически не применяющихся в смежных науках или применяющихся как именно этнографические понятия и термины. Таковы, например, *дуальная организация, мужской дом, избегание, подишучивание, патронимия* и т. п. Второй принцип предполагает рассмотрение также и междисциплинарных понятий и тер-

¹ См., например, серию «Народы мира. Этнографические очерки» (М.: Изд-во АН СССР — Наука, 1954—1965).

² Членов М. Л. О внутреннем членении этнографической науки (применительно к целям научной информации). — В кн.: Актуальные проблемы этнографии. М.: Моск. филиал Географ. о-ва СССР, 1973; Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван. Изд-во АН АрмССР, 1978.

минов, используемых всеми или несколькими общественными науками* и этнографией в их числе. Это, например, *аристократия, зависимость, крепостянство*, и т. д. Вопрос о выборе того или иного подхода, может быть особенно важен для блока социально-экономических терминов, так как в этой области этнографии много теснее связь с историческим материализмом, политической экономией, историей, правоведением и другими общественными науками, чем, скажем, в области изучения материальной культуры.

При компоновке блока социально-экономических понятий и терминов этнографии избран второй подход. При этом он проводится, пожалуй, более последовательно, чем в зарубежных словарях и энциклопедиях по культурной/социальной антропологии, этнологии или этнографии³. В блок включены даже такие термины, как *общественно-экономическая формация, производство, производительные силы, производственные отношения, труд* и т. п. Это связано с тем, что авторы стремятся преломить через призму этнографии фундаментальные понятия обществоведения* показать, как они работают на этнографию и каким может быть этнографический угол зрения на них самих.

Так, в статье об общественно-экономической формации отмечается что марксистская этнография изучает типы и свойства этносов не вообще, а в историческом, формационном разрезе и что в разных общественно-экономических формациях у этнографа разные зоны интересов (вся культура в классовых и преимущественно традиционно-бытовая — в классовых обществах). Равным образом в статье о производственных отношениях значительное внимание уделено тому, как эти отношения влияют на этнические процессы и смену исторических типов этнических общностей. В статье о труде показаны различия между условно-рефлекторной орудийной и целенаправленной трудовой деятельностью, а также специфика труда в присваивающем и производящем хозяйстве.

Не умножая количества примеров, подчеркнем, что не специфический, а генеральный подход при отборе терминов для социально-экономического блока имеет большое мировоззренческое значение. Он дает нам то преимущество, что в нужных случаях мы можем противопоставить буржуазной трактовке нашу трактовку не только собственно этнографических понятий, но и этнографического аспекта междисциплинарных понятий обществоведения.

2. Принцип отбора: дробность и компактность. Отбор терминов для всякого словаря и любой энциклопедии имеет не только методологическую, но и чисто техническую сторону. С этой точки зрения имеются два основных пути: рассматривать каждое понятие под своим собственным термином или сводить генетически, функционально, типологически родственные понятия в относительно крупные блоки, рассматривая их под одним обобщающим термином. В частности, можно посвятить отдельные статьи первобытной, соседской, семейной, земледельческой, кочевой, промысловой и т. д. общинам, а можно охарактеризовать все эти типы и виды общины в одной статье об *общине*.

Оба пути имеют свои преимущества и недостатки. В первом случае автором может выступить узкий, но зато очень компетентный специалист, скажем, по кочевой общине; легче и тому читателю, которого интересует в данный момент только кочевая и никакая другая община. Зато и у автора, и у читателя теряются общая перспектива исторических типов общины и цельное представление о ее хозяйственно-культурных разновидностях, типология может заместиться классификацией, или наоборот.. Во втором случае читателю предлагается предельно возможная (в рамках издания такого рода) характеристика общины в ее историческом развитии и конкретных разновидностях, а неудобство только одно: поиск в словаре определенного типа или вида общины по сравнению с первым случаем затруднен. Обычно это неудобство преодолевается включением отсылочных статей (в нашем случае *Кочевая община*. — см. *Община*)[^]

³ См., например, Encyclopedia of Anthropology. N. Y. etc., 1976.

В данном блоке, как и во всем издании, отсылочных статей не будет. Их заменит приложенный к энциклопедическому словарю общий алфавитный индекс, или глоссарий, существенных терминов, не выведенных в заглавия статей. Учитывая эту особенность издания, мы считаем более целесообразным второй из названных путей как в целом более информативный.

По такому принципу наряду со статьей об *общине* построен и ряд других статей. Так, в статье об *антропосоциогенезе* объединены не только антропогенез и социогенез, но и возникновение человека и общества вообще с возникновением «готового», по определению Ф. Энгельса, человека и общества. В статьях о *зависимости* и об *эксплуатации* рассмотрены все конкретные разновидности и, насколько это оказалось возможным, исторические типы данных форм. В статье о *руководителе* интегрированы все типы лидерства — от ранних главарей к ненаследственным «большим людям» и наследственным вождям, а также все его виды — синкретное, военное, религиозное, судебное, ради чего пришлось поступиться даже таким традиционным термином, как *военный предводитель*.

Однако до конца этот принцип все же не проведен. Наряду со статьями о зависимости и эксплуатации даются статьи о *данничестве*, *кабале*, *рабстве*, что объясняется либо эвристичностью недавно выработанных понятий, либо особенно важным значением понятий, давно установившихся. Однако дело, по-видимому, не только в этом. Наряду со статьей о *власти* имеются статьи об *аристократии*, *демократии*, *олигархии* и т.д., наряду со статьей об *экономическом обмене* — *статья о немом обмене*. В ряде случаев здесь просто отдана дань словарной традиции или, скажется стремление не доводить последовательность до абсурда. Думается, что вопрос о соотношении дробности и компактности при отборе терминов еще заслуживает обсуждения.

3. Соотношение понятий и терминов. В научной практике термином является точное название строго определенного понятия⁴. Действительно, ученым, работающим в области точных наук, вопрос о соотношении понятий и терминов покажется надуманным и нелепым. Их термины всегда искусственно созданы, а потому общеприняты. Однако уже естественники отнесутся к этому вопросу по-другому. Недаром геологи на своих периодических международных съездах уславливаются, какое понимание они будут вкладывать до следующего съезда в те или иные термины. И не случайно биологи, в том числе антропологи, стремятся руководствоваться принципом терминологического приоритета первооткрывателя.

Не то в общественных науках, и, может быть, сложнее всего обстоит дело в этнографии. Этнография изучает непосредственную жизнь, и ее термины очень часто (если не чаще всего) взяты из жизни. А поскольку жизнь многогранна, многие исследователи не только обозначают изученные ими явления своими собственными терминами, но и нередко спорят о том, какие понятия за ними скрываются, какой термин адекватнее и т. п. Так бывает даже в кругу соотечественников и единомышленников, что же касается более широких международных рамок, то к этим спорам неизбежно добавляются расхождения, связанные с отечественными традициями в науке разных стран и с теоретическими, методологическими, мировоззренческими проблемами⁵.

Между тем заимствование этнографией терминов из жизни объясняет, но не оправдывает их неоднозначность. Нельзя смешивать значения обыденных слов и научных терминов. На это прямо указывал В. И. Ленин, критикуя вольное применение Ж. Сисмонди слова *фабрика*: «Мы просим не забывать, что научное значение этого термина не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индуст-

⁴ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976, с. v. «Термин».

⁵ См. Pershitz A. Scientific Communication and Scientific Terminology.— Current Anthropology, 1979, v. 20, № 1.

рией»⁶. Значит, надо стремиться к тому, чтобы и в общественных науках, в том числе в этнографии, термин однозначно соответствовал выраженному им понятию, чтобы возобладал принцип «одно понятие — один термин».

Правда, достигнуть этого нелегко. Современная этнография, в том числе и марксистская, не только унаследовала множество неопределенных понятий, выраженных неоднозначными терминами, но и продолжает создавать новые. Приведем несколько примеров, нашедших отражение в подготовленном социально-экономическом блоке словаря.

В советской этнографии часто применяют термин *раннеклассовое общество*, однако разные авторы вкладывают в него четыре разных значения. 1. Такие ранние, еще не развитые и продолжающие формироваться антагонистическо классовые общества, как раннеазиатское, ранне-рабовладельческое, раннефеодальное. 2. Общества, уже обладающие антагонистическо классовою структурой, но с еще не выявившимся господствующим способом производства, т. е. равноукладные. 3. Общества с азиатским (общинно-государственным, политарным и т. п.) способом производства. 4. Любые антагонистическо классовые общества докапиталистической эпохи. В статье о раннеклассовом обществе показано, что* второе из этих пониманий основано на смешении раннеклассового общества с предклассовым; третье — в значительной мере «камуфляжное», обязанное своим появлением той критике, которой подверглось со стороны многих исследователей понятие азиатского способа производства; четвертое — отчетливо, но неудачно, так как позднеантичное или позднефеодальное общество едва ли является раннеклассовым. Термин наиболее адекватен своему первому значению, что и подчеркнуто в статье.

Так же многозначен термин *цивилизация*, которым обозначают и ступень антагонистического классового общества, и достигнутый на этой ступени уровень культуры, и разновидность культуры классового или бесклассового общества, и даже материально-техническую базу духовной культуры. В соответствующей статье блока обращено внимание на адекватность термина только двум первым, тесно связанным между собой значениям, что соответствует и его пониманию Ф. Энгельсом в гл. IX «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

Имеются понятия и термины, которым особенно не повезло. В их числе одно из первых мест принадлежит *патронимии*. Этот термин был введен в 1930-х годах М. О. Косвеню для обозначения группы относительно близких отцовских родственников, возводящих себя к общему хорошо памятному предку-эпониму; патронимия возникает в результате сегментации большой семьи, а совокупность родственных патронимий образует патриархальный род. Уже в 1950-х годах было обращено внимание на то, что в качестве собирательного обозначения как патронимии, так и аналогичных им матрилинейных матронимий удобнее пользоваться термином *семейно-родственная группа*. В 1960-х годах Н. А. Кисляков подверг сомнению само понятие патронимии как результата сегментации большой семьи и высказал мнение, что эта структура является только[^] пережитком патриархального рода. В 1970-х годах А. И. Робакидзе и А. Д. Давыдовым был выдвинут противоположный тезис о патронимии как родоподобном новообразовании, не связанном с патриархальным родом и возникающем только в результате сегментации большой семьи. В эти же десятилетия М. В. Крюков предложил отождествить патронимию* с кланом как общинно-родственным объединением, а Ю. И. Семенов показал наличие в ней двух разных аспектов — общинного и родственного. В настоящее время термином *патронимия*, как и его синонимами, продолжают широко пользоваться, но едва ли найдутся два исследователя, вкладывающих в него одинаковое содержание. При этих обстоятельствах патронимия близка к тому, чтобы вообще утратить терминологическое значение. В соответствующей статье блока коротко изложено состояние вопроса и высказано мнение, что наиболее обоснован взгляд на патро-

⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 183.

нимию как на новообразование, выступающее и в родственном, и в общинном аспекте⁷. Если учесть, что уже тогда, когда М. О. Косвен выдвигал свою концепцию патронимии, в мировой этнографии существовало понятие *линиджа* (*патрилиниджа*), то только таким новым подходом оправдывается сохранение термина *патронимия*.

Таким образом, в ряде статей блока не представилось возможным ограничиться изложением существующих взглядов на то или иное понятие и перечислением синонимов. В необходимых случаях авторы взяли на себя также и оценку соотношения понятия и термина. Правомерность такого подхода к делу тоже могла бы явиться предметом продуктивного обсуждения.

4. Терминология и идеология. Как и у каждой общественной науки, у этнографии есть свой мировоззренческий аспект. Это значит, что категориальный аппарат этнографии имеет не только научно-теоретическое, но и идеологическое значение. Во многих понятиях этнографии и даже выражающих их терминах находят свое место методологические расхождения между марксистскими и немарксистскими концепциями, идеологическая борьба между марксизмом и антимарксизмом в общественведении.

Это касается прежде всего отношения к краеугольному камню марксистской исторической науки вообще и этнографии в частности — теории общественно-экономических формаций. Сдав в последние десятилетия позиции по некоторым мировоззренческим вопросам (например, по вопросу о природе первобытного общества, которое сейчас лишь очень немногими буржуазными учеными не признается коллективистическим, эгалитарным), антимарксизм в этнографии переключил основное внимание на понятие формации и связанную с ним концепцию единства и объективной закономерности исторического процесса. В статье об *общественно-экономической формации* показано, что попытки, предпринимаемые в этом направлении этнографами-теоретиками антимарксистской ориентации, делаются сразу по двум линиям. Первая — противопоставить теории формаций теорию разного рода социокультурных уровней (Дж. Стюард) или шкал культурной сложности (Дж. Мэрдок), призванную смазать и тем самым расшатать самое понятие формации. И вторая — подменить понятие *прогресса* понятием изменений и тем самым проблемы прогрессивного развития исторических типов общества — проблемами их структурной эволюции. Та же тенденция буржуазной теоретической этнографии вскрыта в статье о *периодизации первобытной истории*, где привлечено внимание к свойственным части неозволюционистских схем периодизации попыткам приравнять общественное расслоение в позднепервобытных стратифицированных и иерархических обществах к классовому делению, а сами эти общества — к формационным типам общества. Критика понятийно-терминологического аппарата буржуазной этнографии в связи с ее попытками «размыть» теорию формаций содержится также в статьях об *общественном расслоении*, *элите* и др.

В ряде статей нашли отражение и более конкретные вопросы понятийно-терминологического противостояния марксистской и немарксистской или откровенно антимарксистской этнографии. Так, в статье о *раннеклассовом обществе* обращено внимание на такой, казалось бы, мало-значительный факт: в буржуазной литературе лишь очень редко поль-

⁷ Основные работы: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Кисляков Н. А. (Рец.).— М. О. Косвен. Семейная община и патронимия.— Сов. этнография (далее — СЭ), 1965, № 6; его же. О сущности понятия «патронимия».— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976; Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса).— СЭ, 1967, № 6; Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности.— СЭ, 1968, № 4; Робакидзе А. И. Патронимия у народов Кавказа.— IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973; Давыдов А. Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979; Першиц А. И. Динамика традиций и проблема их источниковедческого истолкования.— Народы Азии и Африки, 1981, № 5.

зуются английским термином «early class society» или его иноязычными аналогами, предпочитая ему термин «early state» и т. п. В этом случае специфика терминологии часто прокладывает путь к «опровержению» тех или иных фундаментальных понятий марксистского обществоведения. Раннее государство мыслится как пр.едклассовое или образованное такими «классами», которые находятся в отношениях взаимовыгодного сотрудничества, и, таким образом, за нейтральным самим по себе термином *раннее государство* нередко стоит такая его трактовка, которая направлена против марксистско-ленинского понимания государства как результата классовых антагонизмов. Подобным же образом в статье об *эксплуатации* нашла место критика попыток не только подменить понятие способа производства понятием способа эксплуатации и тем самым опять-таки проложить путь к «размыванию» теории формаций., но и развить концепцию так называемой взаимной эксплуатации. Последняя мыслится как взаимовыгодное сотрудничество обеих сторон процесса эксплуатации, т. е. как нечто прямо противоположное и противопоставленное марксистскому пониманию эксплуатации — безвозмездного присвоения прибавочного продукта. Может показаться, что перед нами проблема не этнографии, а политэкономии, но на деле это не так. Именно этнография, проливая свет на генезис эксплуатации и ее начальные формы, представляет аргументацию в пользу либо марксистского, либо анти-марксистского понимания истоков этого института.

С вопросом о генезисе государства связан вопрос о генезисе права, по которому также имеются существенные методологические расхождения. Они освещены в особой статье блока — *Право*. Если в нашей науке право понимается как функция государства, а значит, и исторически обусловленная категория, то в буржуазной — чаще всего как минимум морали, обеспеченный каким бы то ни было принуждением. При таком подходе право превращено в извечную внеисторическую категорию, что и отражается в постоянно применяемом на Западе термине *первобытное право*. Этот подход подвергнут критике, тем более действенной, что одновременно отмечено не последовательное, а параллельное вызревание всех основных институтов и форм классового общества.

Огромное значение в современную эпоху имеет понимание войны — ее извечности как порождения некоей имманентной человеку агрессивности или ее исторической обусловленности классовыми и производными от них антагонизмами. Как известно, военные столкновения существовали уже в раннепервобытную эпоху, и это дает многим буржуазным ученым основание говорить об извечности и неизбежности войн. В статье о *войне* с предельно возможной в рамках данного издания детализацией рассмотрены особенности эпизодических вооруженных столкновений на ранних ступенях общественного развития и их принципиальное отличие от собственно войны как массовой организованной формы, получившей распространение в эпоху классового образования и в антагонистическо-классовых обществах. В статье показана также специфика справедливых и несправедливых, внутренних и внешних войн в разных общественно-экономических формациях и обращено внимание на тот факт, что с созданием мировой социалистической системы войны перестали быть неизбежностью.

В целом, критика антимарксизма в этнографии нашла место во многих статьях социально-экономического блока. В то же время данное обсуждение может способствовать выявлению новых линий мировоззренческой конфронтации (пополнение состава блока, расширение круга вопросов и идейно-значимых терминов).

5. Обновление понятийно-терминологического аппарата. Как и всякая наука, этнография развивается, и соответственно обновляется ее понятийно-терминологический аппарат. Одни понятия уточняются, что не может не сказываться на адекватности выражающих их терминов, другие вводятся заново, что также не может не находить своего терминологического отражения. В связи с этим встают вопросы традиции и инновации в терминологической сфере этнографии, и такие вопросы имеют самое

непосредственное отношение к составу и содержанию понятийно-терминологического словаря вообще, его социально-экономического блока в частности. Важнейшими из этих вопросов представляются два: уточнение, переосмысление или даже забвение некоторых старых понятий-терминов в свете вновь накопленных фактов и введение отдельных новых понятий-терминов, обусловленное современным теоретическим уровнем науки.

Первый из этих вопросов может быть проиллюстрирован на примере эволюции, которую претерпело понятие *военной демократии*. Этот термин был введен Л. Г. Морганом для обозначения формы правления на стадии перехода от родового строя к государству в его «Древнем обществе», сохранен К. Марксом в конспекте этой книги и воспроизведен Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Позднее в работах многих советских историков-марксистов он стал использоваться для обозначения не только формы правления, но и соответствующей ей заключительной эпохи первобытной истории. В то же время уже в 1950-х годах И. И. Потехин высказал сомнения в адекватности данного термина сущности политической надстройки в эпоху перехода от доклассового общества к классовому, а М. О. Косвен — в универсальности самой военной демократии. И действительно, многие исторические и этнографические исследования послевоенных десятилетий показали, что военная демократия перерастала в государство не непосредственно, а через промежуточные военно-иерархические или иные (например, олигархические) структуры; стало быть, военно-демократическими были только начальные формы надстройки переходного периода. Выяснилось также, что не все общества знали сколько-нибудь выраженную военную демократию: ее не было, например, у части племен Полинезии и Тропической Африки. В результате сейчас преобладает взгляд на военную демократию, во-первых, как не на эпоху, а только как на форму становления государственной власти, и, во-вторых, лишь как на форму, присущую раннему этапу этого процесса⁸. Соответственно иное, более широкое понимание этого термина, еще встречающееся в литературе, представляется в настоящее время устаревшим.

Еще сложнее обстоит дело с понятием *матриархат*. Этот термин вошел в обиход в начале 1880-х годов для обозначения (по определению крупнейшего исследователя проблемы матриархата М. О. Косвена) того периода первобытной истории, «который знаменуется равноправным, в своем дальнейшем развитии и преобладающим положением женщины в хозяйстве и обществе, а вместе с тем и отражением этих начал в области духовной культуры»⁹. М. О. Косвен различал ранний матриархат с равноправным и развитый матриархат с преобладающим положением женщины, объединяя их в один этап периодизации первобытной истории. Однако, как это было отмечено уже в 1950-х годах, равноправное положение женщины не может называться *матриархатом*, так как основное значение слова *arche* — власть (ср. термин *патриархат* для обозначения господства отца, мужчины)¹⁰. Важнее, впрочем, другое. Само понятие *матриархата* как преобладающего положения женщины не выдержало проверки временем. Создатели матриархальной теории И.-Я. Бахофен и Л. Г. Морган основывались на исторических реконструкциях и анализе пережитков, достоверность которых не подтвердилась в дальнейшем развитии этнографии. Обобщенные в XX в. факты показали, что класси-

⁸ Потехин И. И. Военная демократия матабеле.—В кн.: Родовое общество. М.: Изд-во АН СССР, 1951; Косвен М. О. К вопросу о военной демократии.—В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Гуревич А. #. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.: Наука, 1967; Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов.—СЭ, 1968, № 1; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981; Kubbel L. E. On the Origin of the Statehood in the Western Sudan. Moscow: Nauka, 1967, и др.

⁹ Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 3.

¹⁰ Монгайт А. Л., Першиц А. И. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет.—Вопр. истории, 1955, № 1.

ческая первобытность не знала общественного неравенства полов, да и позже господства женщин никогда не было. Матриархат в прямом смысле этого слова не существовал ни как совокупность общественных порядков, ни тем более как этап в развитии первобытности. При этом, хотя матриархальная теория сыграла большую роль в борьбе с реакционной патриархальной теорией и поэтому была высоко оценена Ф. Энгельсом, ее переосмысление никак не поколебало марксистской концепции первобытности как концепции первобытного коллективизма. На это прямо указывал В. И. Ленин, критикуя тех, кто «экономическую теорию Маркса соглашаются отнестись в „частности“, сопоставить с вопросом о происхождении матриархата»¹¹. В свете новых этнографических фактов в работах советских исследователей послевоенных десятилетий под матриархатом стали понимать не столько преобладающее положение женщин, сколько материнско-родовую организацию или даже ее отдельные элементы (матрилинейность, матрилокальность и т. п.)¹². Термин все больше переставал соответствовать своему прямому значению и начал выходить из употребления, как до этого вышли из употребления синонимичные термины *гинекократия*, *матернитет*, *материнское право*.

Естественно, что в нашем издании сохраняются не только уточненные, но и полностью переосмысленные термины, в том числе и такие неудачные, как *матриархат*. За ними — глубокая научная традиция, и они, несомненно, имеют большое если не операционное, то историографическое значение.

Второй вопрос — о понятийно-терминологических инновациях. Такие инновации не только допустимы, но и необходимы прежде всего тогда, когда с развитием теории науки рождаются новые понятия, требующие своего терминологического обозначения. К их числу относится, например, понятие *социального организма* как отдельного общества, являющегося относительно самостоятельной единицей исторического развития, за последнее время широко вошедшее в историческую и этнографическую науки. При этом оно особенно четко разработано в этнографии, где предложена не только его типологизация по общественно-экономическим формациям, но и особый аспект классификации по первобытным обществам, с одной стороны, антагонистическо-классовым и социалистическому — с другой¹³. Таково же понятие *первобытной периферии*, которое также отчетливо определилось только в последнее время, когда первобытные общества были типологизированы по принципу ассоциированности с общественно-экономическими формациями и подразделены на виды по их происхождению (первичная и вторичная периферия), расположению (ближняя и дальняя периферия)¹⁴ и т. д.

К числу таких новых понятий относятся и некоторые понятия, выработанные зарубежной наукой и принятые частью советских исследователей. Здесь прежде всего надо назвать особый вид первобытных экономических отношений, названный К. Дюбуа *престижной экономикой*. Престижная экономика была изучена экономэтнографами, показавшими, что она существовала только в системе избыточного продукта и проявлялась главным образом в престижном дарообмене¹⁵. Сюда же относится широко вошедшее в обиход мировой, и в том числе советской¹⁶, науки

¹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 17, с. 287. Подчеркнуто В. И. Лениным.

¹² См.: *Перишц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1968 (2-е изд. — 1974, 3-е изд. — 1982).

¹³ См.: *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — *Вопр. истории*, 1966, № 8; *его же.* Кочевничество и некоторые, общие проблемы теории хозяйства и общества. — *СЭ*, 1982, № 2.

¹⁴ См.: *Первобытная периферия классовых обществ, до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов)*. М.: Наука, 1978.

¹⁵ См.: *Семенов Ю. И.* Теоретические проблемы «экономической антропологии». — В кн.: *Этнологические исследования за рубежом*. М.: Наука, 1973.

¹⁶ *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом). — *Народы Азии и Африки*, 1980, № 1; *его же.* Протогосударство-чифдом как политическая структура. — Там же, 1981, № 6.

понятие *chiefdom* как формы социально-экономической организации и организации власти в эпоху далеко зашедшего разложения первобытного общества. Еще одно такое понятие — понятие *big man* как ненаследственного руководителя общины или субобщины, лучше всего изученное в последнее время на новогвинейском этнографическом материале¹⁷. Этот перечень можно расширить за счет ряда других давно уже циркулирующих в мировом этнографическом обращении понятий-терминов: линидж (в том числе *патрилинидж* и *матрилинидж*), *редистрибуция*, *реципрокация* (*реципрокность*), *сегментарная организация*, *ранг*, *статус*, *эгалитарное общество* и т. д.

Обращение к терминологии, вошедшей в международный этнографический обиход, во многих случаях вызывает чисто языковые сложности. Если такие заимствованные из мертвых языков термины, как *редистрибуция*, *ранг*, *статус*, *эгалитарность* и т. п., сравнительно легко входят в любой язык, то с англоязычными терминами *чифдом*, *бигмен* или *линидж*, равно как и с другими общими терминами-понятиями живых языков дело обстоит не так просто. Здесь возможны два пути: калькирование или сохранение оригинального звучания. Л. С. Васильев калькировал *чифдом* как протогосударство, но это не совсем точно. Протогосударство потому и протогосударство, что оно раньше или позже непременно перерастает в государство. Между тем в эпоху классообразования подобные процессы обладают известной обратимостью, и чифдом может не только длительно законсервироваться на этой стадии, но повернуть вспять, как это случилось у шиллуков и ануаков Африки или качинов Южной Азии. Может быть, отдавая себе в этом отчет, Л. С. Васильев сохранил двойное обозначение: *протогосударство-чифдом*, проиграв таким образом в смысле калькирующей части двойного термина и не выиграв в его русском звучании. Между тем английское *chiefdom* легко переводится на русский как *вождество*, на немецкий как *Hauptlingtum*, на французский как *chefferie*. Именно термин *вождество* и принят нами в данном случае в нашем блоке.

Термин *big man* также легко перевести на русский как *большой (значительный) человек*, но такое словосочетание в качестве термина хотя и не исключено, но громоздко и неудобно. От него не образует прилагательного, а тем более общего понятия, соответствующего английскому *bigmanship*. Калькировать этот термин по-русски невозможно, так как все ассоциируемые с ним слова выражают иные по значению или по исторической окраске понятия. Остается принять термин в его английском звучании, тем более что последнее ничем не уступает звучанию таких уже давно ставших общепринятыми в международном языковом обиходе слов, как *спортсмен*, *джентльмен* или *бармен*.

Термин *линидж* Н. А. Бутинов русифицирует как *линию*, С. А. Маретина сохраняет оригинальное звучание¹⁸. Второй вариант представляется более удачным, так как многозначное слово *линия* может быть понято только в определенном контексте (прямая линия, линия родства, линия наследования и т. п.).

Таким образом, собственно языковые вопросы обращения к иноязычной терминологии решаются в нашем блоке словаря, главным образом исходя из возможностей языка и удобства пользования терминами.

6. Можно ли унифицировать терминологию? Терминология является специфическим языком науки. Следовательно, от единства, унифицированности терминологии во многом зависят взаимопонимание ученых и продуктивность научных обсуждений. Между тем, как мы видели выше, многие этнографические термины синонимичны и омонимичны, а этнографы не только разных стран и направлений, но и соотечественники и единомышленники вкладывают в них подчас разное содержание.

¹⁷ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М: Наука, 1980.

¹⁸ Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М.: Наука, 1968; Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М: Наука, 1980.

Можно ли унифицировать терминологию? Если говорить о такой унификации в международных масштабах, то, как мы опять-таки уже видели, в обозримом будущем, безусловно, нельзя. Здесь методологические расхождения с неизбежностью сопровождаются взаимной неадекватностью многих теоретических понятий, что особенно сказывается на социально-экономической терминологии. Максимум, чем мы в этом отношении располагаем,—это определенный запас интернациональных терминов, в основном заимствованных из классических языков, таких, как *геронтократия*, *теократия*, *майорат*, *минорат*, *элита* и т. п. Все эти термины, которые относятся к архитектонике науки и могут быть названы «техническими», включены в наш блок — если не в заголовки статей, то в указатель.

Унификация терминологии в рамках науки одной страны также не легка из-за инерции уже сложившихся терминологических синонимов и омонимов, престижных соображений отдельных ученых, наконец, просто привычки. Но думается, что здесь такая унификация в обозримом будущем все же достижима и к ней надо стремиться. Немалую роль в этом отношении может сыграть сам энциклопедический словарь «Этнография: основные понятия и термины». Он, разумеется, не станет нормативным актом и не будет иметь обязательной силы. Сформировавшиеся ученые едва ли откажутся от привычного им (а нередко и введенного ими самими) словоупотребления. Тем не менее словарь в какой-то мере поможет им найти общий язык. Однако еще имеется большое количество студентов, аспирантов, молодых ученых, для которых предлагаемая в готовящемся издании специальная терминология послужит если не нормой, то, во всяком случае, рекомендацией и тем самым действенным средством упорядоченного освоения категориального аппарата этнографии.

* * *

Можно думать, что настоящее обсуждение будет более эффективным, если сопроводить эту статью словником социально-экономического блока. Надо только учесть, что отграничение данного блока от ряда других (например, блоков общих понятий, направлений и школ, семьи и брака) в большой степени условно и известная часть социально-экономических терминов оказалась там. С другой стороны, в наш блок вошла терминология потестарно-политическая, нормативная и в незначительной части даже хозяйственная (статья *Ремесло*). Такое разграничение исторически сложилось в процессе работы редколлегии издания, и, видимо, не оно должно явиться предметом предстоящего обсуждения. Цифры, которыми помечены глоссы, указывают на объем статей {0—7-12 страниц, 1—3-5 страниц, 2 — 1,5-3 страницы, с? — 1-1,5 страницы, 4 — 0,7 страницы, 5 — 0,5 страницы и 6 — до 0,25 страницы}.

Антропосоциогенез 1	Зависимость 2
Аристократия 4	Избегание 4
Бигмен 4	Изгнание 5
Взаимопомощь 3	Кабала 4
Власть 2	Каста 2
Вождество 3	Клан 3
Война 2	Классы общественные 1
Воспитательство 4	Контроль социальный 3
Геронтократия 4	Конфликт 3
Гостеприимство 4	Крестьянство 1
Государство 1	Линидж 4
Данничество 3	Майорат 5
Демократия 5	Матриархат 3
Демократия военная 3	Месть кровная 4
Деспотизм 5	Минорат 5
Дом общественный 4	Мораль 3
Дружина 3	Наследование 3
Домохозяйство 3	Несвободные 4

Норма социальная 4	Редистрибуция 5
Обмен немой 4	Ремесло 3
Обмен экономический 2	Реципрокация 5
Общество превосбытное 0	Руководитель 2
Общество раннеклассовое 2	Связи территориальные 3
Общество тайное 3	Силы производительные 3
Община 0	Собрание народное 3
Олигархия 5	Совет 3
Организация дуальная 3	Собственность 1
Организация политическая 3	Сословие 3
Организация половозрастная 2	Союз женский 4
Организация родовая 1	Союз мужской 4
Организация сегментарная 4	Союз племен 4
Организм социальный 3	Способ производства 2
Отношения производственные 1	Стадо первобытное человеческое 4
Патриархат 4	Статус 4
Патронимия 4	Суд 4
Периодизация первобытной истории 1	Теократия 4
Периферия первобытная 3	Торговля 2
Племя 2	Труд 3
Подшучивание 4	Уклад общественно-экономический 2
Потребление 3	Формация общественно-экономическая 3
Право 3	Фратрия 4
Престиж 3	Цивилизация 3
Продукт общественный 4	Эгалитарность 5
Производство 2	Экономика первобытная 2
Рабство 3	Экономика престижная 2
Разделение труда 2	Эксплуатация 2
Ранг 4	Элита 5
Распределение 2	Этикет 4
Расслоение общественное 3	

Ю. В. Бромлей

ВАЖНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

В методологии каждой науки, как известно, важнейшее место занимает ее понятийно-терминологический аппарат. Ведь представляя собой обобщенный результат познания действительности, существенных свойств, связей и отношений предметов и явлений, понятия, фиксированные в терминах, выступают важнейшим инструментом научного исследования. Для этнографической науки на современном этапе ее развития разработка понятийно-терминологического аппарата приобретает особое значение. Это обусловлено в первую очередь теми задачами, которые выступают перед ней в условиях весьма значительных перемен, происходящих в современной общественной жизни, что не могло не сказаться и на развитии всего комплекса социальных наук, в том числе на их междисциплинарном взаимоотношении. В частности, существенное значение в данной связи имеет для этнографии интенсивное развитие в нашей стране в последнее десятилетие конкретно-социологических исследований, поставившее задачу кооперации этнографических и конкретно-социологических знаний, а тем самым и более четкого их размежевания. Нельзя не учитывать также и расширившиеся международные связи советских этнографов, прежде всего с их коллегами из стран социалистического содружества. Это настоятельно требует усиления международной конвенциональности при использовании этнографического